

ВЛАДИМИР МИРЗОЕВ:

# Снимать — это как выучить второй язык

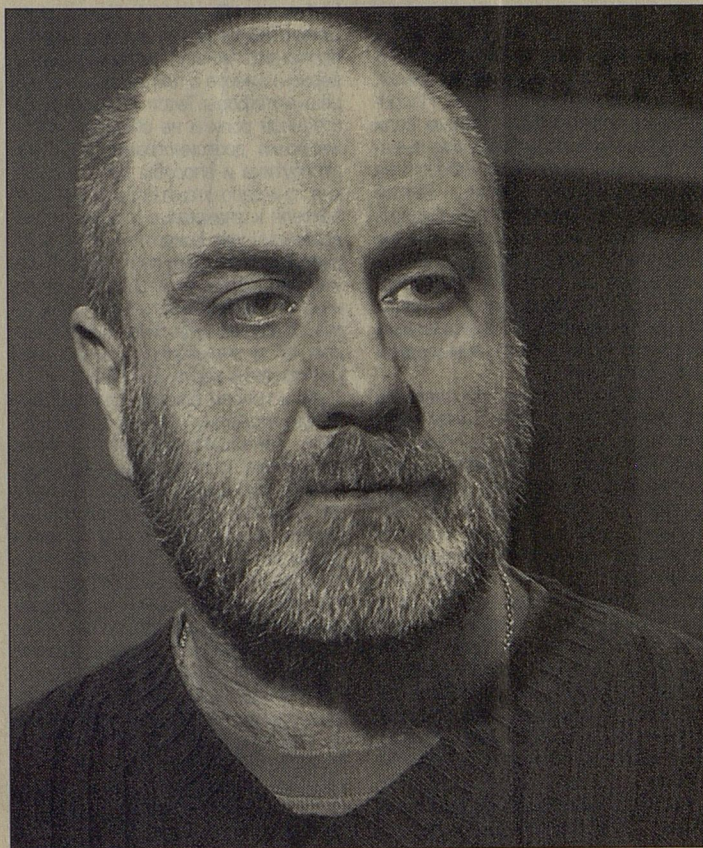
Режиссер Владимир МИРЗОЕВ известен как профессионал, которому присущи своеобразие художественного мышления, стремление к эксперименту, смелость в интерпретации классических произведений. Окончил ГИТИС, в конце 80-х ставил спектакли в московском объединении "Творческие мастерские", несколько лет работал в Канаде, где организовал театральную компанию "Горизонтальная восьмерка". Его спектакли получали престижные театральные премии. В настоящее время режиссер работает не только в театре, но и в кино.

— Владимир Владимирович, почему вы вообще начали снимать фильмы и сериалы, что подтолкнуло вас, востребованного театрального режиссера, к этому?

— Эта история тянется из начала 90-х, когда в соавторстве с Дмитрием Белопольским я сделал два документальных фильма. Их сюжеты были связаны с Канадой и Россией: нелегальные иммигранты, аристократы, ищущие свои родовые гнезда, и т. д. Я и раньше испытывал потребность варьировать свои увлечения. Нет ничего страшнее рутины, автоматизма в художественном жесте — сначала он утрачивает легкость, потом становится вымученным. Кино помогает мне оставаться начинающим режиссером, то есть гибким, непресыщенным, жадным до новых ощущений. Кроме того, несмотря на иллюзорное сходство кинематографа и театра, это очень разные виды искусства. Здесь иначе работают с актерами, иначе распределяют энергию и строят мизансцены. Для меня делать кино — это как выучить второй язык. Расширение опыта, расширение сознания.

— Чем вы руководствовались, выбирая тему для нового фильма? Может быть, примитивизмом? Как вы однажды выразились, сегодня у общества возникла потребность в искусстве такого уровня...

— Действительно, сейчас примитивизм опять в моде, что необязательно говорит об упадке искусства. Просто в новорожденной стране в нача-



В. Мирзоев

ле нового тысячелетия заново приходится называть вещи своими именами. Это нормально. Близкое моему сердцу барокко оказалось слишком жирной пищей для неокрепших желудков поколения "Икс". Зато вспомните, сколько появилось за последнее время успешных фильмов с участием детей. По-моему, инфантильное состояние общества вполне этому соответствует. Меня сие обстоятельство вынуждает двигаться в сторону "сказки для взрослых", то есть, по существу, погружаться в архаические пласты культуры. Последнее — синоним примитивизма.

— Ваш фильм с рабочим названием "Коррекция судьбы", над которым вы завершаете работу, совершенно оригинальный по сюжету?

— Сценарий для меня и Максима Суханова написала Анна Рулевская почти шесть лет тому назад. Это оригинальная история, но, кажется, скоро будет опубликован роман. Жанр фильма — современная городская

сказка и одновременно лирическая комедия с элементами ненаучной фантастики. Две молодые дамы и мужчина, находясь в ситуации банального "любовного треугольника", обращаются за помощью к колдунам. Во время спиритического сеанса на связь с ними выходит некий дух, обещающий содействие в этом непростом деле. Он оказывается духом итальянского авантюриста Джакомо Казановы. Колдуны должны материализовать его в своем мире. Тело для Казановы нашлось в одной из больниц — бандитский авторитет по кличке Яша Слон, уже два месяца находящийся в коме после тяжелого ранения. Так знаменитый авантюрист Джакомо Казанова посещает современную Москву. По улицам столицы с молодыми любовниками бродят волшебники, духи и, наконец, странный кентавр — грузное татуированное тело бандита, вместившее в себя галлантный дух Казановы. Повод для визита к нам Казановы, естественно, романтический, но цепочка ситуаций,

последовавших после этого, — неожиданно комедийная.

— В главной роли — уголовного, в плоть которого переселяется дух Казановы, — Максим Суханов. Это не первая ваша с ним работа. Чем вызван столь продолжительный творческий союз?

— Может быть, дело в том, что я не умею подходить к своей профессии утилитарно. Актеры, с которыми работаю, становятся частью моей жизни, люблю с ними встречаться в разных обстоятельствах, разрабатывая новый сюжет. Искусство насквозь субъективно, построено на контексте, в том числе и на контексте личных отношений. Максим Суханов — очень необычный, в чем-то загадочный человек, мне с ним интересно, он провоцирует мою фантазию.

Могу сказать, что и с оператором Андреем Макаровым, и художником Катей Залетаевой мне работалось как дышалось — легко, естественно, без надрыва. Хотя кино — очень стрессовый, даже экстремальный вид творчества.

— У вас свои принципы работы с актерами. Сохраняются ли они в кино?

— Да какие там принципы? Немного системы Станиславского, немного собственного опыта, ну еще две-три медитативные техники — вот и вся математика. В кино не получается (да, наверное, это и не нужно) долго репетировать, совершенствовать мизансцены, внутреннюю драматургию героев. Здесь все происходит как в жизни: вдруг! Поэтому вся группа должна быть готова к импровизациям. Как бы хорошо вы ни готовились вместе с оператором к съемкам, нужно уметь почувствовать атмосферу конкретной минуты. Не всегда это получается, нужно еще учиться.

— Один из ваших творческих девизов — лучшее потрясение на сцене, чем в жизни. Чем вы собираетесь потрясти кинозрителя — потоками крови, мистикой, ужасами, блатняцкой спецификой?

— Какие-то страшные картины мы нарисовали. У нас ведь лирическая комедия, а не гиньоль. Думаю, потрясений нашим зрителем как раз в жизни хватает. Современное кино, которое я люблю, помогает выживать, потому что говорит со мной о главном: о мужестве человека, о тайне бытия, непредсказуемости и жестокости любви. Иногда кино — это бегство в другую реальность. Но я стараюсь не смотреть фильмы только для того, чтобы структури-

ровать свое свободное время.

— Сейчас нередко можно услышать, что отечественный кинематограф идет в никуда, поскольку копирует приемы американского кино....

— В основном, это усилия продюсеров, которые хотят быть конкурентоспособными на рынке. Их можно понять, они бизнесмены. Но проблема не только и не столько в приемах. Адекватный киноязык рождается из мироощущения и зрителей, и творцов. Чтобы снимать "как в Голливуде", нужно стать американцами, переродиться. Не исключено, что через два-три поколения такая культурная мутация будет возможна. Сейчас этот подход выглядит абсурдным. Попробуйте снять фильм "как в 60-х" — это будет имитация романтизма. В лучшем случае получится хорошая пародия. Приемы будут те же — сознание другое.

— Вы однажды сказали, что нередко бывшие коллеги расстаются после завершения съемок врагами. Из-за чего такое происходит?

— Не все выдерживают стресс. Это как на войне, как в эмиграции. У людей сдают нервы, их характеры проявляются по максимуму. Здесь легко сходит лоск цивилизации и обнажается человеческая сущность.

— В "Казанове", помимо уже всем хорошо известного Суханова, снимались и другие актеры, в том числе — молодые, Зоя Кайдановская, например. Расскажите о работе с ними...

— Роль Казановы и Яши Слона была написана специально для Максима Суханова. Исполнители других ролей пришли в проект разными путями. С Таней Лютаевой, Натасей Швец и Юрой Шлыковым я работал в театре. Аня Чурина — моя студентка во ВГИКе. Зоя Симонова-Кайдановская снималась в одном из моих спектаклей на ТВ. Она — тончайшая актриса, очень остроумная. Лешу Макарова, как и Игоря Борисовича Дмитриева, я знал только по их ролям в кино, а на съемочной площадке встретился впервые. По-моему, у нас было взаимопонимание. Расслабились мы друзьями. Хотя, конечно, когда поработаешь с актером в театре, а потом приглашаешь его в кино, то помогает предвзвешенно съеденный "пуд соли". Так было с Натасей Швец: мы выпустили "Дон Жуана" в Театре Вахтангова и сразу стали готовиться к фильму.

В одном из эпизодов у нас играет актриса Элеонора Шашкова, которую все знают как "жену Штирлица",

а роль фотографа исполняет известный московский фотограф Владимир Клавихо. Кстати, в фильме будут фигурировать его фотографии. Серьезная роль — любимая собака одного из главных героев — досталась питбулю Пифу. Он оказался настоящим артистом, а его тренер Алексей показывал чудеса гуманной режиссуры, то есть, прости, дрессуры.

— Два слова — о кинотрюках фильма.

— Над спецэффектами работает отличная команда художников из компании "Синематека", в частности Александр Полевой. Рассказывать о компьютерной графике бессмысленно — она предназначена для глаз. Приглашен замечательный композитор Алексей Шелыгин, автор оригинальной музыки ко многим фильмам ("Бригада", "Гражданин начальник", "Небо. Самолет. Девушка"). Свои композиции создадут Максим Покровский ("Ночь светла") и Юрий Цалер ("Мумий Тролль").

— Были ли сложности на съемке "Коррекции судьбы", в чем они заключались?

— Главная сложность проекта — невероятно плотное расписание. Нужно было снять весь материал за месяц с небольшим. Это потребовало тщательной подготовки, проработки каждого кадра на бумаге ну и, конечно, везения. Фортуна может крутануть свой штурвал, и пойдут дожди. Или хозяин ресторана, где мы должны снимать, внезапно начнет капризничать. Ведь мы живем в стране, где свобода ассоциируется только со своеволием и каждый хозяин ларька чувствует себя по меньшей мере Стенькой Разиным.

— На сайте "Мосфильма" за вами значится несколько проектов. Продолжится ли съемка сериала "Котлован" по одноименной повести А.Платонова? И будете ли вы снимать сериал "Отедь "У погибшего альпиниста"?

— Работа над "Котлованом" сделана уже в значительном объеме, но проект по-прежнему находится в подвешенном состоянии. Все зависит от финансирования. А вот с сериалом по известной повести братьев Стругацких, кажется, все остается в силе. Посмотрим. Я не очень люблю забегать в будущее. Хотя мир "Альпиниста" вполне футуристический.

Беседу вел  
Маргарита ДАВЫДОВА

Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ